

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

УДК 37.015.3-053.6

doi: 10.15507/1991-9468.110.027.202301.100-118

Оригинальная статья

Содержание образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» у подростков с различными характеристиками личностной зрелости

А. В. Микляева, О. В. Рудыхина ✉, *А. С. Толкачева**Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*
✉ olga.rudykhina@yandex.ru

Аннотация

Введение. В современном мире наблюдается расширение спектра траекторий взросления подростков и молодежи и усиление значимости «субъективных маркеров зрелости», представляющих собой совокупность качеств зрелой личности. Отсутствует представление о специфике траекторий взросления современных подростков с учетом их психологических характеристик. Цель статьи – представить результаты исследования количественных и качественных показателей образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» у подростков с разными уровнями личностной зрелости.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 1 097 подростков 13–17 лет. Методом контрастных групп на основе Шкалы самооценки личностной зрелости были выделены подгруппы подростков с высоким и низким уровнем достигнутой личностной зрелости. Сопоставлялись количественные и качественные характеристики образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый», полученные с помощью модифицированной методики «Кто Я?» в выделенных подгруппах.

Результаты исследования. По итогам исследования выявлено, что независимо от характеристик личностной зрелости подростки включают в описание образа «Я-сейчас» больше элементов, чем в образ «Я-взрослый». Ядро данных образов содержит преимущественно характеристики социально-демографического, формализованного и индивидуализированного Я. Обнаружены различия между подгруппами подростков с высоким и низким уровнями достигнутой личностной зрелости: разная возрастная динамика количества элементов образов, более весомый вклад характеристик социального-ролевого функционирования в указанные образы у подростков с высоким уровнем личностной зрелости. Результаты исследования указывают на необходимость включения в программы психологического сопровождения взросления мероприятий, направленных на создание условий для формирования у подростков качеств зрелой личности, являющихся значимым фактором формирования гармоничного образа «Я-взрослый».

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование вносит вклад в представление о психологических характеристиках современных подростков, находящихся в стадии взросления. Материалы статьи будут полезны в практике психолого-педагогического сопровождения процесса взросления подростков и их психологического консультирования по вопросам личностного самоопределения.

Ключевые слова: образ «Я-сейчас», образ «Я-взрослый», личностная зрелость, подросток, взросление

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания при финансовой поддержке Минпросвещения России (проект № FSZN-2020-0027).

© Микляева А. В., Рудыхина О. В., Толкачева А. С., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Микляева А. В., Рудыхина О. В., Толкачева А. С. Содержание образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» у подростков с различными характеристиками личностной зрелости // Интеграция образования. 2023. Т. 27, № 1. С. 100–118. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.110.027.202301.100-118>

Original article

The Content of the Attitudes “I Am Now” and “I Am an Adult” in Adolescents with Different Characteristics of Personal Maturity

A. V. Miklyaeva, O. V. Rudykhina , A. S. Tolkacheva
The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation
 olga.rudykhina@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the modern world, there is an expansion of the spectrum of transition trajectories to adulthood in adolescents and young people as well as the increased importance of “subjective markers of adulthood”, which represent a set of qualities of a “mature personality”. There is no idea about the specifics of the growing up trajectories among modern adolescents, taking into account their psychological characteristics. The purpose of the article is to investigate the quantitative and qualitative indicators of the images “I am now” and “I am an adult” in adolescents with different levels of personal maturity.

Materials and Methods. The survey involved 1 097 adolescents aged between 13 – 17. The method of contrast groups by the Self-assessment Scale of personal maturity allowed to identify subgroups of adolescents with high and low levels of personal maturity. The quantitative and qualitative characteristics of the attitudes “I am now” and “I am an adult” obtained by the modified “Who am I?” technique were compared in these subgroups.

Results. Regardless of the characteristics of personal maturity, adolescents include more elements in the attitudes “I am now” than in “I am an adult”; the core of both attitudes includes mainly the characteristics of the socio-demographic, formalized and individualized Self. Differences between the subgroups of adolescents with HPM and LPM include: different age dynamics of the number of elements in the attitudes “I am now” and “I am an adult” (a consistent decrease in the number of elements in adolescents with HPM against an absence of significant changes in the sample of their peers with LPM), as well as a more significant contribution of the characteristics of social-role functioning in attitudes “I am now” and “I am an adult” in adolescents with HPM.

Discussion and Conclusion. The research contributes to the understanding of the psychological characteristics of modern adolescents who are at the stage of transition to adulthood. The results will be useful for the practice of psychological and pedagogical support of growing up and psychological counseling on personal self-determination in adolescence.

Keywords: the attitude “I am now”, the attitude “I am an adult”, personal maturity, adolescents, transition to adulthood

Acknowledgements: The research was supported by the Ministry of Education of the Russian Federation as part of a state task (project No. FSZN-2020-0027).

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Miklyaeva A.V., Rudykhina O.V., Tolkacheva A.S. The Content of the Attitudes “I Am Now” and “I Am an Adult” in Adolescents with Different Characteristics of Personal Maturity. *Integration of Education*. 2023;27(1):100–118. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.110.027.202301.100-118>

Введение

В условиях трансформаций в различных сферах современного общества особенную остроту приобретает

проблематика взросления подростков и молодежи. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что многие сведения о закономерностях взросления

подростков¹, на протяжении нескольких десятилетий считающиеся аксиоматичными, не в полной мере релевантны современной социокультурной ситуации, в которой разворачиваются процессы взросления. Отечественные исследования обнаружили, что достижение взрослости во многом потеряло свою привлекательность для современных подростков, вследствие чего существенно снизило мотивацию к взрослению² [1]. Аналогичные тенденции отмечаются и зарубежными учеными, показавшими, что процессы взросления и освоения социальных ролей взрослого, связанных с получением образования, выходом на рынок труда, достижением финансовой независимости, вступлением в брак и созданием семьи, сегодня происходят в жизни молодых людей существенно позже, чем еще несколько десятилетий назад³ [2]. Это позволяет говорить о «продленном детстве»⁴ или «замороженном взрослении» [3]. Отмечается, что пандемия COVID-19 стала дополнительным фактором, снижающим готовность подростков и молодежи приобретать ключевые навыки взрослого человека, тем самым поставив под угрозу успешный переход к взрослой жизни для многих молодых людей по всему миру [4], что повышает актуальность исследований процессов взросления в «постпандемийной» реальности.

В поисках причин этих изменений психологи анализируют особенности идентификации подростков с ролью взрослого

человека, процессы которой составляют социально-психологическую сущность взросления⁵. В современной социокультурной ситуации фиксируется размывание межвозрастных границ и существенное сокращение маркеров межвозрастных переходов, а также усложнение образа взрослого человека [5]. Ассимиляция его элементов выступает важнейшим условием идентификации с ролью взрослого человека и принятия составляющих ее норм поведения⁶. Это определяет актуальность изучения содержания образов взрослого человека и их соотношения с актуальными Я-образами для более полного понимания особенностей взросления подростков.

Изучение Я-концепции является традиционным предметом исследований в области психологии. Однако изучение Я-образа личности широко представлено и в современной психологической литературе. В частности, психологи уделяют внимание исследованию прочности границ Я-концепции [6], анализируют особенности Я-концепции современных подростков и обнаруживают дисгармоничность в когнитивном, эмоциональном и поведенческом компонентах системы их представлений о самих себе [7], а также межполовую специфику в содержательных компонентах Я-концепции [8]. Кроме того, в исследованиях рассматривается проблема инструментов для диагностики Я-концепции как целостного феномена.

¹ Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.; Божович Л. И. О культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и ее значении для современных исследований психологии личности // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 108–116. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/885/885108.htm> (дата обращения: 26.06.2022); Драгунова Т. В. Подросток. М.: Знание, 1976. 94 с.

² Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Подросток в учебнике и в жизни: кризис тринадцати лет // На пороге взросления: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. М.: МГППУ, 2011. С. 14–22. URL: <http://childpsy.ru/lib/articles/id/28340.php> (дата обращения: 27.06.2022); Поливанова К. Н. Практики развития: взросление в современном мире [Электронный ресурс] // Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство». URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/newchildhood/contents/56292> (дата обращения: 27.06.2022).

³ Henig R. M. “What Is It About 20-Somethings?” [Электронный ресурс] // The New York Times Magazine. 2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/08/22/magazine/22Adulthood-t.html?pagewanted=all> (дата обращения: 28.06.2022).

⁴ Поливанова К. Н. Практики развития: взросление в современном мире.

⁵ Микляева А. В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе. Социально-психологический подход к проблеме инфантилизации личности в условиях современной социальной действительности: монография. Дюссельдорф: LAP LAMBERT, 2018. 224 с.

⁶ Безгодова С. А. Социальная психология взросления: к постановке проблемы исследования в рамках интегративного подхода // Интегративный подход к познанию психологии человека / В. Н. Панферов [и др.]. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2017. С. 223–233. EDN: YUFMNP

Так, продемонстрированы возможности фотографий и рисунков, выполненных подростками для описания характеристик их идентичности [9], приведено обоснование подхода к диагностике Я-концепции не как к структурному новообразованию, а как к процессу, направленному на достижение самоактуализации, и предложена соответствующая психодиагностическая методика [10]. Поскольку Я-концепция обеспечивает целостность личности, интерпретацию жизненного опыта, построение жизненной траектории, ее изучение играет ключевую роль в процессе исследования взросления подростков. В последнее время характеристики самосознания подростков активно изучаются во взаимосвязи с разнообразными феноменами [11; 12]. К изучению Я-концепции проявляют интерес психологи, исследующие проблематику взросления. Во взглядах современных ученых прослеживается тенденция в понимании взросления как процесса становления, формирования зрелой личности, отличающейся определенными характеристиками, среди которых выделяются компоненты структуры самосознания: самопонимание [13], самопринятие, самоуважение [14], что свидетельствует о взаимосвязи процессов взросления с развитием Я-образа и формированием самооценочных характеристик и важности эмпирического исследования соотношения данных параметров.

Наряду с вышесказанным необходимо учитывать, что в условиях дестандартизации нормативного содержания социальной роли взрослого человека, отмечаемого отечественными и зарубежными исследователями⁷, изучение взросления не допускает возможности построения единой «нормативной» модели, но предполагает анализ разнообразных вариантов взросления. Такая тенденция проявляется у современных

исследователей во введении терминов «стратегии взросления» [15], «профили взросления» [16], предполагающих разные основания для дифференциации способов, которыми осуществляется взросление в подростковом возрасте: внутренне согласованное и внутренне конфликтное взросление [15]; чувство взрослости, чувство промежуточно-переменчивого статуса, нежелание взрослеть [17]; самодостаточный, защитный, отчужденный, конформный, противоречивый типы взросления⁸; мотивационно-оптимистичное и когнитивно-боязливое взросление [18]; тревожные исследователи, незрелые исследователи, начинающие взрослые, взрослые коммиттеры и заблокированные в переходный период [16] и др. С одной стороны, варианты взросления, предложенные исследователями, отражают их стремление к выделению и описанию типологических форм взросления. С другой – содержание выделенных вариантов взросления отражает идею о тесном взаимодействии двух аспектов взросления: социальном и психологическом.

Один из продуктивных путей анализа взросления связан с изучением достигнутого уровня личностной зрелости во взаимосвязи с его/ее представлениями о себе-взрослом, задающим идеальную форму, вектор развития⁹. Целью нашего исследования стало изучение содержания образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» у подростков с различными характеристиками личностной зрелости.

Обзор литературы

Взросление рассматривается современными исследователями как процессуальный феномен, что особенно наглядно проявляется в англоязычном аналоге этого термина – «переход к взрослости» (*transition*

⁷ Macmillan R. The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? // USA : Elsevier, 2005. 53 p. URL: <https://www.elsevier.com/books/the-structure-of-the-life-course-standardized-individualized-differentiated/macmillan/978-0-7623-1193-4> (дата обращения: 30.06.2022); Settersten R. A. Age Structuring and the Rhythm of the Life Course // Handbook of the Life Course ; ed by J. T. Mortimer, M. J. Shanahan. New York : Springer, 2003. P. 81–98. doi: https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_4

⁸ Чернова А. А. Особенности взросления подростков, воспитывающихся в разных социальных условиях : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 24 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003291737?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 01.07.2022).

⁹ Эльконин Д. Б. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков // Избранные психологические труды / под ред. В. В. Давыдова, В. Ц. Зинченко. М. : Педагогика, 1989. 560 с.

to adulthood). Процесс взросления концептуализируется как сложное явление, состоящее не только из объективных маркеров принятия взрослой роли в обществе, но и из субъективных маркеров достижения взрослости [19].

Объективные маркеры взросления наиболее полно описаны в рамках концепции ролевого перехода, которая раскрывает события жизненного пути, представляющие собой атрибутивные характеристики освоения роли взрослого человека – окончание школы, поиск постоянной работы, уход из родительского дома, создание собственной семьи и рождение детей [20]. «Вес» этих маркеров в определении человека в качестве достигшего или не достигшего взрослости настолько велик, что их называют «большой пятеркой маркеров взросления». Достижение объективных маркеров взросления происходит в контексте социального развития целостной личности и опосредуется содержанием других социальных ролей, сопряженных с ролью взрослого, в частности социального-экономическими [21] и гендерными [22] ролями. Молодые люди, которые не могут признать себя соответствующим этим маркерам, например не работающим и не получающим образование, испытывают в связи с этим субъективный дискомфорт, особенно в тех странах, где это не является социальной нормой [23]. Отставание от предполагаемых ожиданий достижения маркеров взрослости связано с депрессией и тревогой [24]. Однако сегодня наблюдается последовательный переход от традиционных маркеров взрослости, долгие годы рассматриваемых в качестве универсальных критериев достижения статуса взрослого человека, к значительно более разнообразному и персонализированному набору [19]. В современных условиях в процессе перехода к взрослой жизни возрастает роль жизненного выбора, совершаемого взрослеющим человеком во всех сферах жизни. Данное обстоятельство актуализирует вопросы, связанные с чувством

компетентности, процессом созревания и принятия решений, уверенностью, саморегуляцией и прочими субъективными феноменами, которые опосредуют этот выбор [25], что определяет значимость субъективных маркеров взросления наряду с объективными.

Субъективные маркеры включают чувство ответственности и независимости, способность формировать зрелые отношения, придерживаться социальных норм и заботиться о собственной семье [26]. Ученые отмечают, что в промышленно развитых обществах, в которых сегодня очевидна тенденция к более позднему взрослению, субъективные маркеры взрослости оказывают более существенное влияние на благополучие взрослеющих субъектов, чем объективные [27]. Более высокие самооценки достигнутой взрослости предсказывают улучшение психологического здоровья и адаптации [28]. Сами подростки и молодые люди, размышляя о том, на каких основаниях человека можно считать взрослым, отвергают «социально-ролевые» критерии и сосредотачиваются на формировании тех личностных характеристик, которые обеспечивают качественное осуществление «взрослых» ролей: ответственность, самостоятельность, ценностное самоопределение и др. [20]. Эти качества в совокупности могут быть названы качествами «зрелой личности»¹⁰ [29], что позволяет рассматривать взросление, в том числе и во взаимосвязи с процессами становления личностной зрелости.

Соотношение понятий «взросление» и «личностная зрелость» активно обсуждается в современных психологических исследованиях¹¹ [30; 31]. Взросление рассматривается как процесс становления, формирования зрелой личности, характеризующейся ответственностью, осмысленностью жизни, самопринятием, самоуважением, самостоятельностью [14], самопониманием [13], экзистенциальной исполненностью как отражением экзистенциальных

¹⁰ Микляева А. В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе.

¹¹ Швец Т. А. Психосоциальная зрелость современных российских подростков и восприятие субъективного возраста // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2018–2019. М.: Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский институт психоанализа». 2020. С. 299–306. EDN: [СМУНОС](https://doi.org/10.26907/2542-0439.2020.299-306)

мотиваций личности [32], психосоциальным здоровьем [29], просоциальностью, психологическим благополучием [33]. В свою очередь личностная зрелость рассматривается как психологическое образование с системно организованными чертами Я-концепции [34], характеризующееся выраженностью ответственности, осмысленности жизни, самопринятия, самоуважения, самостоятельности, саморазвития, активности личности [14], высокого уровня саморегуляции¹² и развития ценностно-смысловой сферы [35]. Выделенные характеристики личностной зрелости соотносятся с обозначенными содержательными критериями взросления. В этой связи можно предположить, что развитие рефлексивных, регуляторных, ценностно-мотивационных характеристик не только содействует личностному развитию, но и положительно отражается на процессе взросления. Следовательно, являются актуальными эмпирические исследования, направленные на определение соотношения феноменов взросления и личностной зрелости.

Ключевую роль в процессах достижения объективных и субъективных маркеров взрослости в подростковом и юношеском возрасте играют представления о собственном будущем, которые обладают мотивационным и направляющим потенциалом [18]. При этом ключевыми ориентирами в процессе перехода от детства к взрослости являются образы взрослости и совершенного (идеального) взрослого, которые выступают единственной опорой для формирования представлений о будущем [36]. Разрыв между этими образами и представлениями о себе в настоящем содержательно определяет взросление¹³. При этом модальность актуальных представлений подростков о себе является одним из факторов, определяющих характер представлений о себе в будущем [37]. В то же

время исследователи указывают на то, что подростки в разной степени рефлексивуют и содержательно наполняют образы будущего, что определяется широким спектром социальных и индивидуально-психологических характеристик [38]. Так, например, в структуре образа взрослости могут возникать разные «ядерные» (системообразующие) элементы, такие как понимание различия детскости и взрослости, понимание жизненного успеха или трактовки смысла жизни [39]. При этом девочки, как правило, более полно и структурированно представляют себе свое взрослое будущее благодаря большей, по сравнению с мальчиками, рефлексивности [33].

Таким образом, векторы взросления подростков можно определить на основе соотношения образов реального Я и перспективного Я (Я-взрослого), а изучение их характеристик с учетом показателей личностной зрелости подростков дополнит представление о траекториях их взросления.

Несмотря на значительное количество публикаций по данной проблематике, отсутствуют исследования, посвященные изучению образа Я современных подростков во взаимосвязи с показателями их личностной зрелости. Авторы впервые исследуют соотношение характеристик образов Я-реальный и Я-взрослый у подростков с разными уровнями личностной зрелости.

Материалы и методы

Для проведения исследования были использованы методика «Кто Я?» (М. Кун и Т. Макпартленд)¹⁴ и Шкала самооценки личностной зрелости¹⁵. С помощью методики «Кто Я» изучалось содержание актуального образа Я («Я-сейчас»), а также перспективного образа Я, ассоциированного с присвоением роли взрослого человека («Я-взрослый»). При обработке результатов использовалась схема контент-анализа,

¹² Микляева А. В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе; Швец Т. А. Психосоциальная зрелость современных российских подростков и восприятие субъективного возраста.

¹³ Выготский Л. С. Психология развития человека.

¹⁴ Кун М., Макпартленд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М. : МГУ, 1984. С. 180–187.

¹⁵ Микляева А. В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе.

предложенная Т. В. Румянцевой¹⁶, модифицированная в соответствии с целями нашего исследования. Модификация схемы контент-анализа была обусловлена стремлением укрупнить категории самоописания, расширить спектр категорий для индивидуально-психологических характеристик, определить представленность показателей взросления в исследуемой выборке с учетом проведения изучения образов Я у представителей подросткового возраста.

Представленная схема анализа использовалась для проведения дедуктивного контрольного контент-анализа самоописаний и количественной представленности основных категорий образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» у подростков. Контент-анализ осуществлялся двумя независимыми экспертами по предложенной авторами схеме, мнения экспертов впоследствии сопоставлялись и согласовывались.

С помощью Шкалы самооценки личностной зрелости получена субъективная характеристика личностной зрелости подростков, представленная совокупностью самооценки зрелости рефлексивного, регуляторного, нравственного и когнитивного потенциала. Данная методика разработана на основе подходов зарубежных психологов к пониманию феноменов зрелости и инфантилизма личности, согласно которым понятие «зрелая личность» рассматривается как социальный конструкт (в противоположность ее пониманию как совокупности определенных свойств, имманентно присущих личности). Инструмент для измерения личностной зрелости должен позволять исследовать социально-историческую и кросскультурную вариативность критериев «зрелости личности» и определить самооценки человека как субъекта социальной активности по параметру «зрелая личность – инфантильная личность» [40–42]. В соответствии с данными взглядами Шкала самооценки личностной

зрелости была разработана для измерения степени соответствия представлений человека о собственной личности с нормативным эталоном «зрелости» по параметрам регуляторных, когнитивных, рефлексивных и нравственных характеристик человека, отражающих содержание конструкта «зрелая личность – инфантильная личность». Данная методика является валидным и надежным инструментом для диагностики самооценки личности в отношении нормативов социально-психологической зрелости, представленных в содержании социального конструкта «зрелость личности – инфантилизм личности» [43].

В результате применения метода контрастных групп выделены подгруппы подростков с высоким и низким уровнем личностной зрелости. Помимо этого, участников исследования просили ответить на вопросы, позволяющие получить сведения о социально-демографических характеристиках.

В исследовании приняли участие учащиеся общеобразовательных школ, проживающие в Центральном, Северо-Западном, Уральском, Сибирском, Дальневосточном федеральных округах Российской Федерации (N = 1 097) (средний возраст респондентов – 15,01 ± 1,30 лет), из которых 404 мальчика и 693 девочки. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству. Сбор эмпирических данных осуществлялся с соблюдением этических стандартов, принятых в исследованиях с участием людей. Программа и протокол исследования одобрены Этическим комитетом Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (IRB00011060 Herzen State Pedagogical University of Russia IRB #1), протокол № 19 от 26.01.2021. Эмпирические данные, используемые в статье, доступны для вторичной обработки¹⁷.

Характеристика подгрупп подростков с высоким (ВЛЗ) и низким (НЛЗ) уровнем

¹⁶ Румянцева Т. В. Трансформация идентичности студентов медицинского вуза в меняющихся социальных условиях : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2005. 28 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003009319?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 14.07.2022).

¹⁷ База данных кросс-секционного эмпирического исследования траекторий взросления подростков и молодежи и их психологических детерминант / А. В. Микляева [и др.]. Номер свидетельства: RU 2021621441. Дата регистрации: 22.06.2021. Дата публикации: 02.07.2021. EDN: KEPSDJ

личностной зрелости приведена в таблице 1.

Для обработки эмпирических данных использованы расчет первичных описательных статистик и статистической устойчивости единиц качественного анализа¹⁸, дисперсионный анализ (F), критериальный анализ с использованием углового преобразования Фишера (ϕ^*). Анализ полученных результатов производился с помощью программного пакета Statistica 10.0.

Результаты исследования

Первичный анализ позволил выделить 8 382 характеристики, которые использовали подростки при описании актуального Я («Я-сейчас») и 7 515 характеристик для описания проспективного Я («Я-взрослый»), что составило в среднем $7,64 \pm 2,35$ и $6,85 \pm 2,43$ характеристик соответственно. В связи с тем, что полученное распределение показателей личностной зрелости соответствовало критериям нормального распределения, для сравнения количества характеристик образов Я («Я-сейчас»

и «Я-взрослый») у подростков с разным уровнем личностной зрелости был использован дисперсионный анализ (F). Статистический анализ продемонстрирован, что эти показатели достоверно различаются ($F = 14,02$ при $p = 0,000$) (табл. 2).

Согласно полученным результатам, количество характеристик в самоописании образа «Я-сейчас» больше, чем в образе «Я-взрослый» у подростков с низким и высоким уровнем личностной зрелости. Интерпретируя количество характеристик, используемых при самоописании как показатель рефлексивности, можно констатировать, что содержание образа «Я-сейчас» рефлексивируется подростками несколько лучше, чем образа «Я-взрослый». Такая тенденция характерна для подростков с разным уровнем личностной зрелости, что дает основание сделать вывод об отсутствии прямых взаимосвязей уровня личностной зрелости подростков, достигнутого к моменту участия в исследовании, и количественных характеристик анализируемых образов.

Т а б л и ц а 1. Характеристика подгрупп, различающихся по показателю личностной зрелости

Table 1. Characteristics of subgroups that differ in terms of personal maturity

Подгруппы / Subgroups	Количество человек / Number of people			Возраст / Age
	Всего / Total	Из них мальчики / Boys	Из них девочки / Girls	
НЛЗ / LPM	420	139	281	$14,94 \pm 1,31$
ВЛЗ / НРМ	312	108	204	$15,10 \pm 1,34$

Примечание. Здесь и далее: ВЛЗ – высокий уровень личностной зрелости, НЛЗ – низкий уровень личностной зрелости.

Note. Hereafter: НРМ – high level of personal maturity, LPM – low level of personal maturity.

Источник: здесь и далее в статье все таблицы и рисунки составлены авторами.

Source: Hereinafter in this article all tables and figures were made by the authors.

Т а б л и ц а 2. Описательные статистики, характеризующие количество элементов образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» в подгруппах подростков, различающихся по уровню личностной зрелости

Table 2. Descriptive statistics for the number of elements of the images “I am now” and “I am an adult” in subgroups of adolescents with different level of personal maturity

Параметры / Parameters	НЛЗ / LPM	ВЛЗ / НРМ	F
Я-сейчас / I am now	$7,62 \pm 2,47$	$7,55 \pm 2,29$	$0,54 (p = 0,59)$
Я-взрослый / I am an adult	$6,69 \pm 2,50$	$6,84 \pm 2,30$	$1,20 (p = 0,39)$

¹⁸ Еремеев Б. А. Статистические процедуры при психологическом изучении текста: учеб. пособие. СПб. : Образование, 1996. 54 с.

У подростков с низким уровнем личностной зрелости значимо больше характеристик образа «Я-сейчас» и достоверно меньше характеристик образа «Я-взрослый», по сравнению с группой подростков с высокими показателями личностной зрелости. Это можно трактовать как высокую степень направленности в будущее у подростков с высоким уровнем личностной зрелости и, можно предположить, косвенно указывает на более активные процессы взросления у данной группы подростков, проявляющиеся, в частности в большем количестве самоописаний образа «Я-взрослый».

В ходе дальнейшего анализа было установлено, что девочки предлагают больше самоописаний «Я-сейчас», чем мальчики ($7,75 \pm 2,30$ и $7,45 \pm 2,42$ соответственно, $F = 4,16$ при $p = 0,03$), однако количество характеристик образа «Я-взрослый» в выборках девочек и мальчиков существенно не различается ($6,81 \pm 2,39$ и $6,85 \pm 2,48$ соответственно, $F = 0,06$ при $p = 0,82$). Взаимодействия факторов достигнутой личностной зрелости и пола не обнаружено ($F = 1,99$ при $p = 0,14$ и $F = 0,49$ при $p = 0,61$ для образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» соответственно). Полученные результаты демонстрируют, что тенденция к более выраженной рефлексии актуального Я, по сравнению с проспективным, является гендерно универсальной и в равной степени характерна как для девочек, так и для мальчиков, независимо от достигнутого уровня личностной зрелости. Более высокая рефлексивность женской выборки в период 13–17 лет характеризует преимущественно актуальное Я, но не затрагивает его проспективные характеристики. Следовательно, эмпирические данные соотносятся с результатами исследователей, которые отмечают большую степень рефлексивности девушек как характерную черту подросткового и более старших возрастов [33], но не соответствует выводам, полученным в других исследованиях по причине отсутствия значимых различий в количестве самоописаний проспективного Я в зависимости от пола. Полагаем, что выявленные результаты обусловлены более широким возрастным диапазоном обследованных подростков в нашей выборке

и указывают на высокую актуальность постановки и решения задачи формирования образа «Я-взрослый» для подростков независимо от пола.

Следующий этап анализа позволил установить, что с возрастом количество характеристик «Я-сейчас» и «Я-взрослый» последовательно снижается: в образе «Я-сейчас» – от $8,48 \pm 2,08$ в выборке подростков 13–15 лет до $7,42 \pm 2,25$ в выборке подростков 16–17 лет ($F = 30,66$ при $p = 0,00$); в образе «Я-взрослый» – от $7,40 \pm 2,32$ в выборке подростков 13–15 лет до $6,51 \pm 2,61$ в выборке подростков 16–17 лет ($F = 14,79$ при $p = 0,00$). Совместного влияния факторов возраста и пола на количество элементов образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» не зафиксировано ($F = 0,33$ при $p = 0,86$ и $F = 0,31$ при $p = 0,88$ соответственно), однако обнаружено совместное влияние на них факторов возраста и личностной зрелости респондентов ($F = 5,34$ при $p = 0,02$ и $F = 1,91$ при $p = 0,05$ для образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» соответственно) (рис. 1 и 2).

На основании представленных результатов можно сделать следующий вывод: рефлексивные процессы, ориентированные на формирование образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» в наибольшей степени выражены на первых этапах старшего подросткового возраста (в 13–15 лет); затем их интенсивность несколько снижается, несмотря на то, что образ «Я-взрослый» продолжает оставаться рефлекслируемым в меньшей степени, чем образ «Я-сейчас». На наш взгляд, это связано с актуализацией в подростковый период новых жизненных задач, обусловленных приближением окончания обучения и подготовкой к экзаменам.

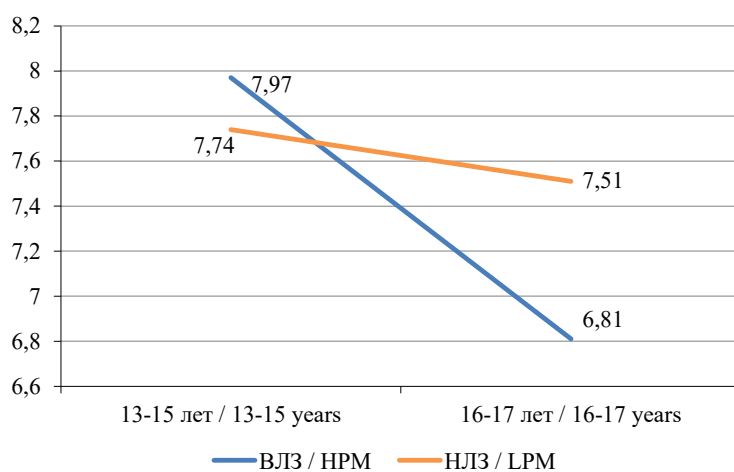
Как видно на рисунках 1 и 2, основной вклад в описанную возрастную динамику количества элементов образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» вносят подростки с высоким уровнем личностной зрелости, в то время как в подгруппе подростков с низким уровнем личностной зрелости эти показатели с возрастом изменяются не слишком значительно. Отмеченная выше тенденция к снижению рефлексивной активности в отношении собственного актуального

и перспективного Я в большей степени характерна для подростков с высоким уровнем личностной зрелости, достигнутым на момент участия в исследовании, и не свойственна подросткам с низкими показателями. Таким образом, у подростков с низким уровнем личностной зрелости продолжается активное конструирование образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» (причем наиболее ярко образа «Я-взрослый»), тогда как у подростков с высоким уровнем личностной зрелости к окончанию

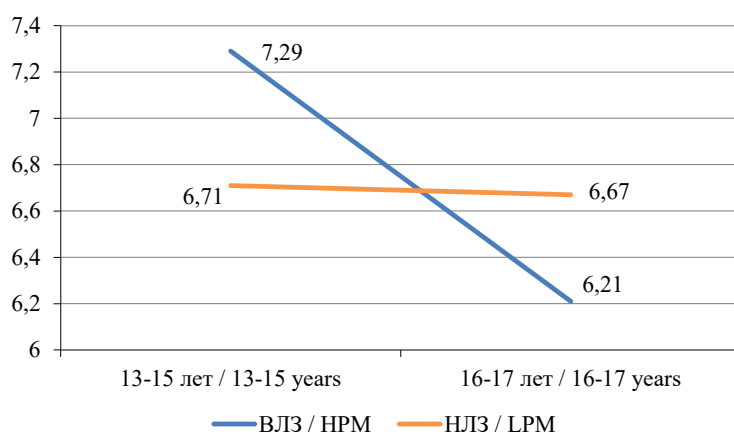
подросткового возраста эта возрастная задача развития уже в большей степени решена. Причем эта тенденция не связана с полом и одинаково проявляется в выборках мальчиков и девочек. Вследствие отсутствия межполовой специфики анализ содержания актуального и перспективного образов Я осуществлялся без учета пола респондентов.

Рассмотрим результаты качественного анализа элементов образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» (табл. 3).

Р и с. 1. Количество элементов образа «Я-сейчас» в группах подростков 13–15 и 16–17 лет с высоким и низким уровнем личностной зрелости

F i g. 1. The number of elements of the “I am now” image in groups of adolescents aged between 13–15 and 16–17 with high and low levels of personal maturity

Р и с. 2. Количество элементов образа «Я-взрослый» в группах подростков 13–15 и 16–17 лет с высоким и низким уровнем личностной зрелости

F i g. 2. The number of elements of the “I am an adult” image in groups of adolescents aged between 13–15 and 16–17 with high and low levels of personal maturity

Т а б л и ц а 3. Характеристика содержания образов «Я-сейчас» (С) и «Я-взрослый» (В) в выборке в целом, а также в подгруппах, контрастных по уровню личностной зрелости; представлены категории, обладающие статистической устойчивостью, $p \leq 0,01$
Table 3. Characteristics of the content of the images “I am now” (N) and “I am an adult” (A) in the sample as a whole, as well as in subgroups contrasting in terms of personal maturity; categories with statistical stability, $p \leq 0,01$

Категория контент-анализа / Content analysis category	Частота встречаемости категорий / Frequency of occurrence of categories											
	в выборке в целом / in the sample as a whole			в выборке НЛЗ / in the LPM sample			в выборке ВЛЗ / in the НРМ sample			φ* (НЛЗ*ВЛЗ) / φ* (LPM*НРМ)		
	C / N	B / A	φ*	C / N	B / A	φ*	C / N	B / A	φ*	C / N	B / A	φ*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	1,81*
Социально-демографическое Я / Socio-demographic Self	0,375	0,351	1,74*	0,425	0,405	–	0,484	0,431	3,58**	4,38**		
демографическая характеристика / demographic characteristics	0,077	0,028	15,41**	0,085	0,037	7,45**	0,103	0,027	10,81**	–	–	–
семейная роль / family role	0,117	0,166	–	0,140	0,196	5,80**	0,151	0,208	4,99**	–	–	–
этническая характеристика / ethnic or national characteristic	0,034	0,023	–	0,034	0,023	–	0,048	0,033	–	–	–	–
учебно-профессиональная роль / educational or professional role	0,147	0,134	–	0,166	0,149	1,78*	0,182	0,163	1,67*	–	–	–
Формализованное Я / Formalized Self	0,147	0,069	17,39**	0,188	0,092	11,02**	0,169	0,073	10,04**	–	2,40**	–
Физическое Я / Physical Self	0,012	0,014	–	0,014	0,016	–	0,016	0,018	–	–	–	–
Материальное Я / Material Self	0,004	0,027	13,84**	0,004	0,026	7,61**	0,005	0,040	8,73**	–	–	–
Деятельностное Я / Activity Self	0,055	0,098	11,19**	0,056	0,116	8,38**	0,068	0,104	4,32**	–	–	–
характеристика деятельности / characteristic of the activity	0,023	0,074	16,85**	0,023	0,089	11,67**	0,026	0,076	7,68**	–	–	–
увлечения / hobbies	0,032	0,024	–	0,033	0,027	–	0,041	0,028	–	–	–	–
Коммуникативное Я / Communicative Self	0,052	0,045	–	0,061	0,049	2,05*	0,068	0,059	–	–	–	–
описательная характеристика / descriptive characteristics	0,031	0,019	–	0,037	0,020	–	0,040	0,024	–	–	–	–
оценочная характеристика / evaluation characteristics	0,011	0,009	–	0,012	0,009	–	0,015	0,010	–	–	–	–
зеркальное Я / mirror self	0,010	0,018	–	0,012	0,020	–	0,013	0,024	–	–	–	–

Окончание таблицы 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Индивидуализированное Я / Individualized Self	0,304	0,328	3,54**	0,365	0,352	–	0,321	0,373	3,68**	3,39**	–
индивидуально-психологическая характеристика / individual psychological characteristics	0,118	0,137	3,89**	0,146	0,148	–	0,114	0,148	3,38**	3,98**	–
интегральное самописание / integral self-description	0,040	0,031	–	0,045	0,029	–	0,041	0,042	–	–	–
негативное самописание / negative self-description	0,006	0,004	–	0,010	0,005	–	0,006	0,003	–	–	–
позитивное самописание / positive self-description	0,023	0,046	8,73**	0,030	0,053	4,52**	0,026	0,060	5,72**	–	–
субъектно-ориентированная характеристика / subject-oriented characteristic	0,118	0,109	–	0,135	0,118	1,97*	0,135	0,119	–	–	–
Перспективное Я / Perspective Self	0,009	0,023	8,49**	0,015	0,032	4,04**	0,008	0,015	2,24*	–	–
социально-ролевое Я в будущем / social role-playing self in the future	0,002	0,003	–	0,004	0,006	–	0,001	0,001	–	–	–
профессиональное Я в будущем / professional self in the future	0,005	0,003	–	0,008	0,003	–	0,004	0,001	–	–	–
рефлексия взросления / reflection on growing up	0,002	0,017	11,79**	0,003	0,024	7,77**	0,003	0,013	3,98**	–	–
Проблемное Я / Problematic Self	0,042	0,045	–	0,056	0,063	–	0,048	0,051	–	–	1,78*

Примечание. Уровень значимости различий: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.
 Note. The level of significance of differences: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Полученные данные позволяют описать содержательную специфику актуального и проспективного Я подростков, различающихся по уровню личностной зрелости, достигнутому к моменту участия в исследовании.

Основное содержание образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» в совокупной выборке представлено характеристиками социально-демографического (пол, возраст, семейная роль, учебно-профессиональная роль и др.), формализованного (обобщенные характеристики типа «человек», «личность» и др.) и индивидуализированного (черты характера) Я, которые на основании полученных результатов можно отнести к ядру соответствующих образов. При этом соотношение этих характеристик в структуре актуального и проспективного образов Я различается. Так, в образе «Я-взрослый» отмечается сокращение количества формализованных и демографических характеристик, по сравнению с образом «Я-сейчас». Это в совокупности с более объемным компонентом индивидуализированного Я может указывать на глубокое осмысление подростками проспективного образа Я. Помимо этого, в образе «Я-взрослый» чаще встречаются такие периферические компоненты проспективного Я, как материальное Я, деятельностное Я и перспективное Я, что объясняется содержанием представлений подростков о взрослости как периоде реализации себя в различных видах деятельности, карьерного роста и материальных достижений, описанных нами ранее¹⁹.

В подгруппах подростков, демонстрирующих высокий и низкий уровни личностной зрелости на момент участия в исследовании, описанные тенденции в целом сохраняются. Однако респонденты с низким уровнем личностной зрелости в значительно большей степени «нагружают» семейными и профессиональными ролями образ «Я-взрослый», включая в проспективный образ Я будущие супружеские, родительские и профессиональные роли. У подростков с высоким уровнем личностной зрелости учебно-профессиональные роли преобладают в актуальном Я-образе в формулировках, характеризующих актуальное

положение дел (чаще всего «я – ученик»), а также профессиональное будущее (например, «я – абитуриент», «я – будущий врач» и др.). На наш взгляд, это уточняет сформулированную выше гипотезу о том, что для подростков с высоким уровнем личностной зрелости характерен более сформированный образ «Я-взрослый», указывая на то, что наибольшая определенность в его содержании касается «учебно-профессионального будущего».

Сопоставление содержательных компонентов образов «Я-сейчас» у подростков с разным уровнем личностной зрелости позволило зафиксировать более высокий уровень представленности социально-демографических характеристик в актуальном Я и проспективном Я у подростков с высоким уровнем достигнутой личностной зрелости, по сравнению с их сверстниками, продемонстрировавшими низкий уровень личностной зрелости. Индивидуально-психологические характеристики, напротив, чаще встречаются в актуальном Я подростков, составивших группу участников с низким уровнем личностной зрелости. Возможно, подростки с высоким уровнем личностной зрелости более осознанно представляют комплекс актуальных социальных ролей и указывают на более сформированную идентичность, чем респонденты с низким уровнем личностной зрелости, у которых активно продолжается процесс индивидуализации, в некоторой степени снижающий интенсивность освоения и ассимиляции различных социальных ролей. Аналогичная тенденция проявляется при сравнительном анализе представленности формализованных компонентов образа «Я-взрослый» у подростков с разным уровнем личностной зрелости: данных характеристик значимо больше у подростков с низким уровнем личностной зрелости. Этот результат свидетельствует о большей степени акцентирования на внешних формальных характеристиках при самоописании у подростков с низким уровнем, по сравнению с подростками с высоким уровнем личностной зрелости. В то же время этот результат в совокупности с большей степенью выраженности социально-демографических

¹⁹ Микляева А. В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе.

характеристик у подростков с высоким уровнем личностной зрелости указывает на более сформированные представления о собственных «взрослых» ролях у данной группы подростков.

Также обращает на себя внимание меньшая выраженность компонента «Проблемное Я» в описании перспективного Я в подгруппе подростков с высоким уровнем личностной зрелости, что указывает на более гармоничное формирование перспективного образа «Я-взрослый» у подростков с высоким уровнем достигнутой личностной зрелости.

Обсуждение и заключение

В результате исследования были определены особенности содержания образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый», которые являются универсальными для подростков, демонстрирующих высокий и низкий уровни достигнутой личностной зрелости, а также особенности, различающиеся в этих группах.

К универсальным особенностям относятся более объемное описание образа «Я-сейчас», по сравнению с образом «Я-взрослый», более объемное описание образа «Я-сейчас» девочками-подростками при отсутствии аналогичных различий в содержании образа «Я-взрослый»; включение в ядро актуального и перспективного образов Я характеристик социально-демографического, формализованного и индивидуализированного Я. Учитывая, что перечисленные тенденции встречаются в подгруппах подростков с разным уровнем достигнутой личностной зрелости, можно утверждать, что они отражают общевозрастные закономерности становления актуального и перспективного Я-образов в тех аспектах, которые не опосредуются формированием качеств зрелой личности.

В то же время выявлен ряд количественных и качественных различий в содержании образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» между подгруппами подростков, различающихся по уровню достигнутой личностной зрелости:

1. Для подростков с высокими показателями личностной зрелости характерно последовательное снижение количества самоописаний в образах «Я-сейчас»

и «Я-взрослый» в период между 13 и 17 годами. В подгруппе их сверстников с низкими показателями личностной зрелости аналогичная динамика отсутствует.

2. У подростков, демонстрирующих высокий уровень личностной зрелости, достигнутый к моменту участия в исследовании, в содержание образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» более выраженный вклад вносят характеристики, описывающие их актуальное и перспективное социально-ролевое функционирование, на фоне менее существенного вклада характеристик «проблемного Я».

Полученные результаты указывают на более полную интеграцию в актуальный и перспективный образы Я характеристик, релевантных объективным и субъективным маркерам взросления, у подростков с высоким уровнем достигнутой личностной зрелости к окончанию подросткового возраста. В то же время в отношении подростков, составивших подгруппу респондентов с низким уровнем личностной зрелости, можно сделать вывод о продолжении у них процессов индивидуализации. Данные процессы продолжают превалировать над освоением социальных ролей на протяжении всего подросткового возраста у субъектов с низким уровнем личностной зрелости.

Результаты проведенного исследования необходимо учитывать при разработке и реализации программ психологического сопровождения подростков, в которых необходимо уделять особое внимание созданию условий для формирования у подростков качеств зрелой личности, являющихся условием для формирования гармоничного образа «Я-взрослый», интегрирующего в себе субъективные и объективные (социально-ролевые) характеристики.

Материалы статьи могут быть использованы в области психологического консультирования подростков в образовательных учреждениях среднего общего образования по вопросам личностного самоопределения и в процессе психолого-педагогического сопровождения их профессионального становления.

Ограничения исследования связаны с использованием организационного

метода поперечных срезов, что могло оказать влияние на выводы в отношении возрастной динамики количественных и качественных характеристик актуального и проспективного образов Я. Преодоление этого ограничения предполагает лонгитюдное исследование динамики образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» в подростковом возрасте, что составляет перспективу данного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилова Т. А., Швец Ф. А. Самооценка взрослости у школьников 1980-х и 2010-х гг. // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 13–21.
2. “I Don’t Want to Grow Up, I’m a [Gen X, Y, Me] kid”: Increasing Maturity Fears across the Decades / A. Smith [et al.] // International Journal of Behavioral Development. 2017. Vol. 41, issue 6. P. 655–662. doi: <https://doi.org/10.1177/016502541665>
3. Hasani M. The ‘Frozen Transitions’ of Young-Ages and the Change in Transition to Adulthood in Iran // Journal of Sociology of Social Institutions. 2019. Vol. 5, issue 12. P. 9–38. doi: <https://doi.org/10.22080/SSI.1970.2131>
4. Mont’Alvao A., Aronson P., Mortimer J. Uncertainty and Disruption in the Transition to Adulthood during COVID-19 // Social Problems in the Age of COVID-19. Vol. 2: Volume 2: US Perspectives (1st ed.); ed. by G. Muschert, K. Budd, D. Lane, J. Smith. Bristol University Press, 2020. P. 15–26. doi: <https://doi.org/10.46692/9781447360629.004>
5. Aline M. Re-Evaluating the Concept of Adulthood and the Framework of Transition // Journal of Youth Studies. 2014. Vol. 17, issue 3. P. 415–429. doi: <https://doi.org/10.1080/13676261.2013.853872>
6. Шаповал И. А. Прочность границ личности: Я-концепция и онтологическая уверенность // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN319.pdf> (дата обращения: 29.06.2022).
7. Жданов А. А. Особенности Я-концепции обучающихся подросткового возраста // Психология человека в образовании. 2020. Т. 2, № 3. С. 230–235. doi: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-230-235>
8. The Development of Multiple Self-Concept Dimensions during Adolescence / I. Esnaola [et al.] // Journal of Research on Adolescence. 2020. Vol. 30, issue S1. P. 100–114. doi: <https://doi.org/10.1111/jora.12451>
9. Dobrescu A. I. A Visual Perspective on Adolescent Identity // Visual Techniques Applied in Social Research. 2020. P. 157–187. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85091780802&partnerID=40&md5=289bd6e18cefc8bf8a6c725385133954> (дата обращения: 29.06.2022).
10. Луцик М. Ю. Возможности диагностики Я-концепции // Человеческий капитал. 2021. № 5 (149). С. 72–85. doi: <https://doi.org/10.25629/НС.2021.05.07>
11. Грибоедова О. И. Самопознание подростков с разным уровнем психологического благополучия // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 193–201. doi: <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-23>
12. Колда А. А. Некоторые аспекты идентичности современного подростка // Вестник РГГУ. Сер.: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 4 (14). С. 145–163.
13. Шилова Н. П. Взросление в юношеском возрасте // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Педагогика и психология. 2020. № 4 (54). С. 37–49. URL: <https://pedpsyjournal.mgpu.ru/2021/01/03/vzroslenie-v-yunosheskom-vozraste> (дата обращения: 29.06.2022).
14. Терещенко В. В., Чуб И. М. Индивидуально-психологические характеристики взросления в подростковом периоде онтогенеза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 3. С. 230–239. doi: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-3-230-239>
15. Безгодова С. А., Микляева А. В., Терещенко В. В. Отношение к взрослению у старших подростков Санкт-Петербурга и Смоленска в контексте их жизнестойкости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 77–84. doi: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-77-84>
16. Galanaki E., Sideridis G. Dimensions of Emerging Adulthood, Criteria for Adulthood, and Identity Development in Greek Studying Youth: A Person-Centered Approach // Emerging Adulthood. 2019. Vol. 7, issue 6. P. 411–431. doi: <https://doi.org/10.1177/2167696818777040>
17. Швец Ф. А. Возрастно-статусное самосознание как основание типологии взросления // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Психологические науки. 2020. № 4. С. 133–142. doi: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-4-133-142>
18. Polovina N., Jošić S. Vision of Personal Future as a Tool for Supporting Adolescents’ Transition to Adulthood // Managing Global Transitions: International Research Journal. 2019. Vol. 17, issue 3. P. 239–258. doi: <https://doi.org/10.26493/1854-6935.17.239-258>

19. Settersten R. A., Ottusch T. M., Schneider B. Becoming Adult: Meanings of Markers to Adulthood // Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource ; R. A. Scott, M. C. Buchmann (eds.). New York : John Wiley & Sons, 2015. P. 1–16. doi: <https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0021>
20. Arnett J. J. Presidential Address: The Emergence of Emerging Adulthood: A Personal History // Emerging Adulthood. 2014. Vol. 2, issue 3. P. 155–162. doi: <https://doi.org/10.1177/2167696814541096>
21. Billari F. C., Hiekel N., Liefbroer A. C. The Social Stratification of Choice in the Transition to Adulthood // European Sociological Review. 2019. Vol. 35, issue 5. P. 599–615. doi: <https://doi.org/10.1093/esr/jcz025>
22. Santos M. M., Queiroz B. L., de Andrade Verona A. P. Transição para a vida adulta na América Latina: 1960-2010 // Revista Brasileira De Estudos De População. 2021. Vol. 38. P. 1–11. doi: <https://doi.org/10.20947/S0102-3098a0161>
23. Jongbloed J., Giret J. F. Quality of Life of NEET Youth in Comparative Perspective: Subjective Well-Being during the Transition to Adulthood // Journal of Youth Studies. 2022. Vol. 25, issue 3. P. 321–343. doi: <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1869196>
24. Culatta E., Clay-Warner J. Falling Behind and Feeling Bad: Unmet Expectations and Mental Health during the Transition to Adulthood // Society and Mental Health. 2021. Vol. 11, issue 3. P. 251–265. doi: <https://doi.org/10.1177/2156869321991892>
25. Marttinen E., Dietrich J., Salmela-Aro K. Intentional Engagement in the Transition to Adulthood: An Integrative Perspective on Identity, Career, and Goal Developmental Regulation // European Psychologist. 2018. Vol. 23, issue 4. P. 311–323. doi: <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000337>
26. Côté J. E., Levine C. Identity Formation, Youth, and Development: A Simplified Approach. New York : Psychology Press, 2015. 216 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203767047>
27. Buchmann M., Kriesi I. Transition to Adulthood in Europe // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37. P. 481–503. doi: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150212>
28. Roberts S. E., Côté J. E. The Identity Issues Inventory: Identity Stage Resolution in the Prolonged Transition to Adulthood // Journal of Adult Development. 2014. Vol. 21, issue 4. P. 225–238. doi: <https://doi.org/10.1007/s10804-014-9194-x>
29. Арпентьева М. Р. Психосоциальное здоровье и взросление человека // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. Т. 5, № 5. С. 3–13. URL: <http://journal.asu.ru/zosh/article/view/7209> (дата обращения: 11.07.2022).
30. Мачуха А. М., Васильева О. С. Понимание и психологическое содержание конструкта личностной зрелости // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2020. № 10. С. 69–73. doi: <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2020.10.12>
31. Склярченко О. Н. Категории «взрослость» и «зрелость» в современном мире // Гуманитарный вестник (Горловка). 2020. Вып. 11. С. 141–147. EDN: XWTTHL
32. Чукарина А. А., Шумский В. Б. Экзистенциальные основания личностного взросления // Мир психологии. 2018. № 3 (95). С. 266–278. EDN: VMXWRO
33. Цветков В. В. Субъективная оценка взрослости у подростков с разным уровнем психологического благополучия // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 724–731. doi: <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-90>
34. Алейникова О. В. Целостность Я-концепции как фактор личностной зрелости // Социосфера. 2021. № 3. С. 79–83. URL: <https://oaji.net/articles/2021/1834-1632400162.pdf> (дата обращения: 11.07.2022).
35. Лаврищева А. В. Взаимосвязь элементов ценностно-смысловой сферы и параметров достижения личностной зрелости в период ранней и средней взрослости // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2021. № 2. С. 187–205. doi: https://doi.org/10.35231/18186653_2021_2_187
36. Эльконин Б. Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. 1992. № 3–4. С. 7–13. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1992/923/923007.htm> (дата обращения: 12.07.2022).
37. Ундуск Е. Н., Чехова Д. В., Степанова Ю. Н. Изучение взаимосвязи представления о своем будущем и эмоционально-ценностного отношения к себе современной молодежи // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3, № 2. С. 162–173. doi: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-2-162-173>
38. Абрамова С. Б. Образ будущего в представлении современных подростков: ожидания и страхи // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 3. С. 97–106. doi: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.12>
39. Marson S. M., Powel R. M. Goffman and the Infantilization of Elderly Persons: A Theory in Development // Journal of Sociology & Social Welfare. 2014. Vol. 41, issue 4. P. 143–158. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2014-54696-007> (дата обращения: 14.07.2022).
40. Salari S. M. Infantilization as Elder Mistreatment: Evidence from Five Adult Day Care Centers // Journal of Elder Abuse & Neglect. 2005. Vol. 17, issue 4. P. 53–91. doi: https://doi.org/10.1300/J084v17n04_04

41. Skager R. Extending Childhood into the Teen Years: «Infantilization» and Its Consequences // *Reclaiming Children and Youth*. 2009. Vol. 18, issue 2. P. 18–20.

42. Микляева А. В. Шкала самооценки личностной зрелости: опыт разработки и апробации // *Современные исследования социальных проблем*. 2017. Т. 8, № 2. С. 52–68. doi: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-2-52-68>

43. Клементьева М. В. «Подлинное Я» как предиктор формирующейся взрослости студентов // *Психологическая наука и образование*. 2020. Т. 25, № 3. С. 64–74. doi: <https://doi.org/10.17759/pse.2020250306>

Поступила 20.07.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 21.11.2022.

Об авторах:

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>**, **Scopus ID: 53984860100**, **Researcher ID: D-4700-2017**, a.miklyaeva@gmail.com

Рудыхина Ольга Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8207-4016>**, **Scopus ID: 57223035494**, **Researcher ID: K-6560-2018**, olga.rudykhina@yandex.ru

Толкачева Александра Сергеевна, аспирант кафедры психологии человека, младший научный сотрудник института психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7307-3233>**, taleksandra@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

А. В. Микляева – постановка проблемы исследования; подбор теоретических материалов; статистический анализ данных; проведение критического анализа теоретических и эмпирических материалов; подготовка текста статьи.

О. В. Рудыхина – подбор теоретических материалов; сбор и обработка эмпирических данных; обсуждение результатов; форматирование текста статьи; оформление списка литературы.

А. С. Толкачева – подбор теоретических материалов; сбор эмпирических данных; обсуждение результатов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

- Gavrilova T.A., Shvets F.A. [Self-Assessment of Adulthood in Schoolchildren of the 1980s and 2010s]. *Voprosy psikhologii*. 2015;(5):13–21. (In Russ.)
- Smith A., Bodell L.P., Holm-Denoma J., Joiner T., Gordon K., Pere M., Keel P. “I Don’t Want to Grow Up, I’m a [Gen X, Y, Me] Kid”: Increasing Maturity Fears across the Decades. *International Journal of Behavioral Development*. 2017;41(6):655–662. doi: <https://doi.org/10.1177/016502541665>
- Hasani M. The ‘Frozen Transitions’ of Young-Ages and the Change in Transition to Adulthood in Iran. *Journal of Sociology of Social Institutions*. 2019;5(12):9–38. doi: <https://doi.org/10.22080/SSI.1970.2131>
- Mont’Alvao A., Aronson P., Mortimer J. Uncertainty and Disruption in the Transition to Adulthood during COVID-19. In: Muschert G., Budd K., Lane D., Smith J. (Eds.). *Social Problems in the Age of COVID-19*. Vol. 2: Volume 2: US Perspectives (1st ed.). Bristol University Press; 2020. p. 15–26. doi: <https://doi.org/10.46692/9781447360629.004>
- Aline M. Re-Evaluating the Concept of Adulthood and the Framework of Transition. *Journal of Youth Studies*. 2014;17(3):415–429. doi: <https://doi.org/10.1080/13676261.2013.853872>
- Shapoval I.A. The Strength of Personality Borders: Self-Concept and Ontological Confidence. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2019;7(3). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN319.pdf> (accessed 29.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
- Zhdanov A.A. Features of the Self-Concept of Adolescent Students. *Psychology in Education*. 2020;2(3):230–235. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-230-235>
- Esnaola I., Ses A., Antonio-Agirre I., Azpiazu L. The Development of Multiple Self-Concept Dimensions during Adolescence. *Journal of Research on Adolescence*. 2020;30(S1):100–114. doi: <https://doi.org/10.1111/jora.12451>

9. Dobrescu A.I. A Visual Perspective on Adolescent Identity. In: Visual Techniques Applied in Social Research. 2020. p. 157–187. Available at: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85091780802&partnerID=40&md5=289bd6e18cfc8bf8a6c725385133954> (accessed 29.06.2022).
10. Lutsik M.Y. Possibilities of Self-Concept Diagnostics. *Chelovecheskii kapital*. 2021;(5):72–85. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25629/HC.2021.05.07>
11. Griboyedova O.I. Self-Understanding of Adolescents with Different Levels of Psychological Well-Being. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. 2021;(4):193–201. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-23>
12. Kolda A.A. Some Aspects of the Modern Teenager Identity. *RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. 2018;(4):145–163. (In Russ., abstract in Eng.)
13. Shilova N.P. Maturation in Adolescence. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2020;(4):37–49. Available at: <https://pedpsyjournal.mgpu.ru/2021/01/03/vzroslenie-v-yunosheskom-vozraste> (accessed 29.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
14. Tereshchenko V.V., Chub I.M. Individual and Psychological Characteristics of Adulthood in Adolescent Ontogenesis Period. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2019;8(3):230–239. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-3-230-239>
15. Bezgodova S.A., Miklyaeva A.V., Tereshchenko V.V. Attitude to Coming-of-Age in Adolescents of Saint-Petersburg and Smolensk in Context of Their Resiliency. *The Bulletin of Kemerovo State University*. 2018;(3):77–84. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-77-84>
16. Galanaki E., Sideridis G. Dimensions of Emerging Adulthood, Criteria for Adulthood, and Identity Development in Greek Studying Youth: A Person-Centered Approach. *Emerging Adulthood*. 2019;7(6):411–431. doi: <https://doi.org/10.1177/2167696818777040>
17. Shvets F.A. Age-Status Self-Awareness as the Basis of the Typology of Growing Up. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*. 2020;(4):133–142. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-4-133-142>
18. Polovina N., Jošić S. Vision of Personal Future as a Tool for Supporting Adolescents' Transition to Adulthood. *Managing Global Transitions: International Research Journal*. 2019;17(3):239–258. doi: <https://doi.org/10.26493/1854-6935.17.239-258>
19. Settersten R.A., Ottusch T.M., Schneider B. Becoming Adult: Meanings of Markers to Adulthood. In: Scott R.A., Buchmann M.C., eds. *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource*. New York: John Wiley & Sons; 2015. p. 1–16. doi: <https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0021>
20. Arnett J.J. Presidential Address: The Emergence of Emerging Adulthood: A Personal History. *Emerging Adulthood*. 2014;2(3):155–162. doi: <https://doi.org/10.1177/2167696814541096>
21. Billari F.C., Hiekel N., Liefbroer A.C. The Social Stratification of Choice in the Transition to Adulthood. *European Sociological Review*. 2019;35(5):599–615. doi: <https://doi.org/10.1093/esr/jcz025>
22. Santos M.M., Queiroz B.L., de Andrade Verona A.P. Transition to Adulthood in Latin America: 1960s-2010s. *Revista Brasileira de Estudos de População*. 2021;38:1–11. doi: <https://doi.org/10.20947/S0102-3098a0161>
23. Jongbloed J., Giret J.F. Quality of Life of NEET Youth in Comparative Perspective: Subjective Well-Being during the Transition to Adulthood. *Journal of Youth Studies*. 2022;25(3):321–343. doi: <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1869196>
24. Culatta E., Clay-Warner J. Falling Behind and Feeling Bad: Unmet Expectations and Mental Health during the Transition to Adulthood. *Society and Mental Health*. 2021;11(3):251–265. doi: <https://doi.org/10.1177/2156869321991892>
25. Marttinen E., Dietrich J., Salmela-Aro K. Intentional Engagement in the Transition to Adulthood: An Integrative Perspective on Identity, Career, and Goal Developmental Regulation. *European Psychologist*. 2018;23(4):311–323. doi: <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000337>
26. Côté J.E., Levine C. *Identity Formation, Youth, and Development: A Simplified Approach*. New York: Psychology Press; 2015. 216 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203767047>
27. Buchmann M., Kriesi I. Transition to Adulthood in Europe. *Annual Review of Sociology*. 2011;37:481–503. doi: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150212>
28. Roberts S.E., Côté J.E. The Identity Issues Inventory: Identity Stage Resolution in the Prolonged Transition to Adulthood. *Journal of Adult Development*. 2014;21(4):225–238. doi: <https://doi.org/10.1007/s10804-014-9194-x>
29. Arpentieva M.R. Mental Psychosocial Health and Adult. *Health, Physical Culture and Sports*. 2019;5(5):3–13. Available at: <http://journal.asu.ru/zosh/article/view/7209> (accessed 11.07.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
30. Machukha A.M., Vasilyeva O.S. Understanding and Psychological Content of the Construct of Personal Maturity. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya «Poznanie»*. 2020;(10):69–73. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2020.10.12>

31. Sklyarenko O.N. “Adulthood” and “Maturity” in the Modern World. *Gumanitarnyi vestnik (Gorlovka)*. 2020;(11):141–147. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: XWTTHL
32. Chukarina A.A., Shumskiy V.B. [The Existential Foundations of Personal Maturation]. *Mir psikhologii*. 2018;(3):266–278. (In Russ.) EDN: VMXWRO
33. Tsvetkov V.V. Subjective Maturity Evaluation of Teenagers with Different Level of Psychological Well-Being. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. 2019;(2):724–731. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-90>
34. Aleinikova O.V. Integrity of I-Concepts as a Factor of Personal Maturity. *Sociosphere*. 2021;(3):79–83. Available at: <https://oaji.net/articles/2021/1834-1632400162.pdf> (accessed 11.07.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
35. Lavrishcheva A.V. The Relationship between the Elements of the Value-Meaning Sphere and the Parameters of Achieving Personal Maturity during Early and Middle Adulthood. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2021;(2):187–205. (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.35231/18186653_2021_2_187
36. Elkonin B.D. [The Crisis of Childhood and the Basis for Designing Forms of Child Development]. *Voprosy psikhologii*. 1992;(3–4):7–13. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1992/923/923007.htm> (accessed 12.07.2022). (In Russ.)
37. Undusk E.N., Chekhova D.V., Stepanov Ju.N. The Relationship between Modern Youths’ Vision of Their Future and Their Emotional and Value Self-Attitude. *Psychology in Education*. 2021;3(2):162–173. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-2-162-173>
38. Abramova S.B. The Way of the Future in the Views of Today’s Youth: Expectations and Fears. *Logos et Praxis*. 2017;16(3):97–106. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.12>
39. Marson S.M., Powel R.M. Goffman and the Infantilization of Elderly Persons: A Theory in Development. *Journal of Sociology & Social Welfare*. 2014;41(4):143–158. Available at: <https://psycnet.apa.org/record/2014-54696-007> (accessed 14.07.2022).
40. Salari S.M. Infantilization as Elder Mistreatment: Evidence from Five Adult Day Care Centers. *Journal of Elder Abuse & Neglect*. 2005;17(4):53–91. doi: https://doi.org/10.1300/J084v17n04_04
41. Skager R. Extending Childhood into the Teen Years: «Infantilization» and Its Consequences. *Reclaiming Children and Youth*. 2009; 18(2):18–20.
42. Miklyaeva A.V. Scale Self-Assessment of Personal Maturity: The Experience in the Development and Testing. *Society of Russia: Educational Space, Psychological Structures and Social Values*. 2017;8(2):52–68. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-2-52-68>
43. Klementyeva M.V. The “Authentic Self” as a Predictor of Emerging Adulthood in Students. *Psychological Science and Education*. 2020;25(3):64–74. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17759/pse.2020250306>

Submitted 20.07.2022; revised 14.11.2022; accepted 21.11.2022.

About the authors:

Anastasia V. Miklyaeva, Dr.Sci. (Psychol.), Associate Professor, Professor of the Chair of Human Psychology, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, Scopus ID: 53984860100, Researcher ID: D-4700-2017, a.miklyaeva@gmail.com

Olga V. Rudykhina, Cand.Sci. (Psychol.), Associate Professor of the Chair of Human Psychology, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8207-4016>, Scopus ID: 57223035494, Researcher ID: K-6560-2018, olga.rudykhina@yandex.ru

Alexandra S. Tolkacheva, Postgraduate Student of the Chair of Human Psychology, Junior Researcher at the Institute of Psychology, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7307-3233>, taleksandrra@gmail.com

Author contribution:

A. V. Miklyaeva – formulation of the research problem; selection of theoretical materials; statistical analysis of data; critical analysis of theoretical and empirical materials; drafting the text of the article.

O. V. Rudykhina – selection of theoretical materials; collection and processing of empirical data; discussion of results; formatting the text of the article; design of the list of references.

A. S. Tolkacheva – selection of theoretical materials; collecting empirical data; discussing the results.

All authors have read and approved the final manuscript.